

БИОГРАФИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОН ОБЪЕХАЛ полмира, побывав в Америке и в Италии, во Франции и Мексике, в Польше и Германии. Он исколесил вдоль и поперек всю европейскую часть Советского Союза и в семидесяти пяти городах читал свои стихи. «Я читал крестьянам в Ливадийском дворце, — говорил он. — Я читал за последний месяц в бакинских доках, на бакинском заводе имени Шмидта, в клубе Шаумяна, в рабочем клубе Тифлиса, читал, взлезши на токарный станок в обеденный перерыв, под затихающее верещание машин».

Но ему никогда не приходилось бывать в Сибири, видеть дремучей тайги, новых городов, строящихся мартенов. Ему не приходилось своими глазами ви-

деть, как в Кузбассе воздвигалась первая домна крупнейшего в стране металлургического гиганта, как на месте болот строился город.

И все же он, Владимир Маяковский, написал удивительное стихотворение «Рассказ тов. Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

Вы, конечно, помните это стихотворение: его изучают в школе, декламируют на вечерах. Поэт описал кузнецких рабочих, в труднейших условиях возводящих металлургический завод и город Новокузнецк.

Сквозь десятилетия заглядывал Владимир Маяковский в то будущее, современниками которого являемся мы с вами:

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Нужно было иметь непоколебимую веру в силу и мощь нового человека, в грандиозность великого дела, чтобы в заключение стихотворения произнести пламенные слова, ставшие для всех строителей страны крылатым выражением:

Я знаю —
город
будет,
Я знаю —
саду
цветь,
когда
такие люди
в стране
советской
есть!

Как же родилось это удивительное стихотворение?

Каждое, даже небольшое художественное произведение имеет свою судьбу, свою биографию. Иной читатель даже и не подозревает о той мучительной работе, какую проделывает писатель до того, как его стихотворение или рассказ ровными строчками типографских букв ляжет на страницу книги или газеты. Не легко будет и исследователю-литературоведу, который возьмется проследить биографию произведения.

Вот уже несколько месяцев я занимаюсь историей создания и дальнейшей биографией этого стихотворения.

Передо мною газеты и журналы времен первой пятилетки, сборники воспоминаний строителей и сталеваров, тома произведений Владимира Маяковского, ответы музеев, архивов, библиотек на мои запросы.

Из сборника «Литературное наследство» я узнал, что в середине ноября 1929 года приехавший из Сибири Я. П. Хренов за обедом в Гендриковом переулке рассказал поэту и его друзьям о

том фантастически грандиозном строительстве, которое началось вблизи старого острожного городка Кузнецка, о тех трудностях, лишениях, которые приходится испытывать рабочим. Он рассказал, как в проливные дожди рабочие-грабари укрываются под старыми телегами или толпятся в тепляках у железных времянок, как арматурщики обмораживают руки, плетя каркасы первых цехов. Он поведал, что мечта о городе-саде ведет строителей через все трудности.

Рассказ Я. П. Хренова взволновал поэта. А через некоторое время в журнале «Чудак» появилось стихотворение Маяковского.

Кто же такой Я. П. Хренов? Жив ли он, где найти его следы? Нельзя оставить без внимания имя человека, вдохновившего поэта на создание одного из лучших его стихотворений!

Чем больше я думал об этом, тем сильнее загорался желанием узнать что-либо об этом человеке. Сначала я стал спрашивать о Хренове ветеранов

строителей комбината. Они внимательно выслушивали меня, в раздумье покачивали головами: «Нет, такой у нас как будто не работал...». Удивительно было то, что не знали о нем даже старые инженеры и мастера. Наконец, один из товарищей надоумил:

— А ты обратись в музей комбината, к Елене Михайловне Полянской. Если уж она не скажет, то можешь дальше и не искать.

И я отправился в музей металлургического комбината.

Кандидат исторических наук Елена Михайловна Полянская, собиравшая материалы по истории КМК, внимательно выслушала меня.

— Да, был такой ответственный работник — Хренов. Я встречала его подпись на документах. Но только он был связан больше с Московским представительством, оттого его мало кто в Кузнецке и знает. Едва ли вам удастся здесь, на месте, что-либо найти о нем. Правда,

если память мне не изменяет, он автор какой-то книжки или брошюры.

Большого Полянская сказать мне не могла. Но важны были и те небольшие сведения, которые удалось получить. Я тотчас отправил письмо в библиотеку имени В. И. Ленина с просьбой сообщить, была ли издана Я. П. Хреновым какая-либо книга или брошюра. Ведь в этой книге он мог рассказать о строительстве Кузнецкого комбината и, возможно, упомянуть о встрече с Маяковским. Это была единственная нить, которую я держал в руках. Но, увы, ответ был неутешителен:

«Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что по каталогам Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и каталогам Всесоюзной книжной палаты книга Я. П. Хренова не значится».

Нить оборвалась.

Я долго раздумывал, что же теперь делать. Может быть, помогут мне Го-

сударственный Литературный музей и музей В. Маяковского?

Снова пишу я, и снова с нетерпением ожидаю ответа. Наконец, Литературный музей сообщает то, что мне было известно: Ян Петрович Хренов участвовал в строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Письма его к Маяковскому в московских архивах не обнаружены. На основании ложного доноса в 1938 г. он был репрессирован. Теперь посмертно реабилитирован.

Из библиотеки-музея В. В. Маяковского мне сообщили, что Хренова хорошо знал художник Николай Федорович Денисовский, проживающий в Москве, он же написал его портрет.

Пишу ему письмо и вскоре получаю ответ:

«Сообщаю, что портрет Яна Петровича Хренова, который я писал с натуры в 1934 году, находится у меня.

Познакомился я с ним у Бриков. О его родственниках сейчас ничего не

знаю. Интересующие Вас подробности можете узнать в Институте Мировой литературы им. А. М. Горького в Москве на улице Воровского.

Н. Денисовский.

10 января 1961 года»

Будучи по делам в Москве, я разыскал мастерскую Денисовского и познакомился с художником.

Это еще нестарый, высокий, подвижной человек. Он рассказывает о своей дружбе с Бриками, Маяковским, бегает к ворохам журналов, вытаскивает листы эскизов, фотографии, плакаты, книги Маяковского.

— Цель моя, — говорит он, — показать, как Маяковский важен и сегодня, как применимы в нашей жизни сейчас его стихи и плакаты...

Николай Федорович показывает свои последние работы — политические плакаты. Они перекликаются с художественными работами Маяковского, написанными в двадцатые годы для Окон

2 м 86925
Пенски, встречи, находки

Композитивная

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОСНОВНОЙ ЗОНА

17

РОСТА. Я вспоминаю, что многие из работ Денисовского видел во время войны в Окнах ТАСС, а впоследствии — на художественных выставках.

Наконец, речь заходит и о Яне Петровиче Хренове.

— С Хреновым я познакомился, когда еще был жив Маяковский. Подружились же мы с ним позже, тогда, когда я с бригадой художников ездил оформлять выставку к открытию Краматорского металлургического комбината. Хренов был в то время заместителем директора этого комбината. Тогда я и сделал его портрет. О самом Хренове могу сказать то, что человек он был твердый, инициативный, любознательный. Это очень импонировало Владимиру Владимировичу Маяковскому. Знаю еще, что потом Хренов был директором Славянского металлургического завода. Большего сообщить Вам, к сожалению, ничего не могу.

На прощание Николай Федорович дарит мне репродукцию с портрета Я. П. Хренова.

Не выходила из головы фраза письма из Литературного музея: «...был репрессирован, теперь посмертно реабилитирован».

Обращался с просьбами сообщить о судьбе Я. П. Хренова в архивы Министерства внутренних дел, но мне отвечали, что дело его не сохранилось.

Вернувшись в Новокузнецк, подвожу итоги тому, что сделано. Все ли я предпринял, чтоб узнать о Хренове? Оставалось еще одно: поискать, не найдется ли каких материалов о нем здесь, в архиве Кузнецкого металлургического комбината. Я отправляюсь в архив заводоуправления. Один из старейших работников комбината И. И. Мясоедов просматривает опись за описью. Оказывается, несколько Хреновых перебывало за тридцать лет на комбинате: Михаил Петрович — табельщик, Николай Сергеевич — мастер цеха, Илья Григорьевич — вахтер... Как будто просмотрено все. Архивариус в недоумении пожимает плечами.

Но потом, вспомнив о чем-то, достает еще одну книгу.

— Вот есть еще один Хренов — Иульян Петрович, — говорит он, просмотрев фамилии.

Тоже как будто не тот. Но странное имя — Иульян... А если откинуть «Иуль», то останется Ян?!

Раскрываю личное дело № 2454. Он! Действительно, это личное дело Яна Петровича Хренова — одного из работников Кузнецкого металлургического комбината, знакомого Владимира Маяковского.

Скупые биографические данные: год рождения 1901, член партии с 1917 г. Номер профсоюзного билета 148.

Тут же документ от 12 августа 1929 года о направлении его от Московского представительства на Кузнецкстрой. Одно из его заявлений:

«Начальнику строительной конторы Кузнецкстроя т. Морозову от сотрудника ОЭТ Хренова И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имея неоконченное высшее техническое образование — четыре курса механического отделения Военно-Морского инженерного училища и три курса промышленного отделения металлургической группы промышленно-экономического института, хочу работать и совершенствоваться в вопросах рационализации или планирования производства. Прошу вашего согласия о переводе меня на работу в техотдел строительства».

Яну Петровичу Хренову в это время исполнилось 30 лет. Из его заявлений, подшитых тут же в деле, видно, как он стремился учиться дальше, постигать основы дела, которому решил посвятить жизнь.

Вот такой человек и встретился В. Ма-

яковскому, рассказал ему о героизме своих товарищей, об энтузиастах-строителях в далекой Сибири. Его имя и ввел великий поэт в заглавие стихотворения.

Еще несколько дней после этого я просматривал в библиотеке газеты и журналы 30-х годов. Нигде не нашел я упоминания о Я. П. Хренове. Но зато был вознагражден: передо мной прошли героические будни строительства и встали, как живые, строители Кузнецкого металлургического комбината.

Каждый день на стройке рождал героев. В одном из очерков рассказывалось, как Михаил Роганов, помощник мастера на строительстве доменных печей, около часа в пятидесятиградусный мороз работал на тридцатиметровой вышке каупера. Порывистый ветер обжигал лицо, сорвал с головы шапку. Но комсомолец не сдался. Он спустился на землю обмороженным, но повреждение устранил. Ведь именно таким людям и посвятил Владимир Маяковский свое стихотворение. И оно дошло до строи-

телей Кузнецка. Его читали в котлованах и на строительных площадках, декламировали на вечерах в общежитиях-бараках. Писатель Александр Смердов, бывший в то время рабкором, вспоминал в одном из своих очерков, как рабочие читали эти поэтические строки:

«Прочитал стихотворение Маяковского строителям один наш паренек-арматурщик в дни, когда готовилось бетонное основание под первую домну. Стужа стояла такая, что бетонщики не успевали замесить бетон, как он превращался в камень, но каменщики все-таки заложили фундамент. Буран норовил смахнуть с лесов плотников, строивших тепляки над будущими цехами, мороз так прокаливал железо, что к нему примерзали ладони арматурщиков, но плотники все выше поднимали строительные леса, арматурщики гнули железные прутья и плели из них каркасы цехов. Когда товарищи по бригаде начинали очень жаловаться на мороз, арматур-

щик комсомолец Володя застуженным голосом выкрикивал стихи Маяковского:

Сливеют
 губы
 с холода,
но губы
 шепчут в лад:
«Через четыре
 года
Здесь
 будет
 город-сад!»

Стихи очень действовали...».

Ветераны Кузнецкстроя помнят, как возле котлованов, в бараках часто появлялся высокий человек в рабочей одежде. Это был главный инженер строительства Иван Павлович Бардин. Он был душою рабочих: входил в их нужды, выслушивал их жалобы, разбирался в тех каждодневных «мелочах», которых на большом строительстве возникало тысячи. Талантливый инженер-организатор, он сумел не только построить крупнейший в стране металлургический за-

вод, но и воспитать целую школу металлургов.

И вот уже будучи вице-президентом Академии наук СССР, Бардин вспоминал, какое значение имели для них, первых строителей Кузнецкого комбината, стихи Владимира Маяковского:

«Мне хочется также отметить, что уместное участие литераторов приносит большую пользу, — говсрил он в одном из своих выступлений. — Так, поэт Маяковский в самые, может быть, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», заканчивавшийся словами:

Я знаю —
 город
 будет,
Я знаю —
 саду
 цветь,
Когда
 такие люди

В стране
советской
есть!

Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным осуществлением нашей мечты. Этой мечтой мы жили в течение многих лет, и лишь при Советской власти нам удалось осуществить ее, построив собственными руками в далекой Сибири металлургический завод-гигант».

Прошло более тридцати лет с того дня, как Владимир Маяковский написал поэтические строки о Кузнецкстрое и людях Кузнецка. Но эти строки так же поддерживают дух, зовут на трудовой подвиг, как и тридцать лет назад.